

• 1 •

— Вы будете круглым дураком, если позволите ей оставить это дитя у себя. Оно должно попасть в любящую семью. — Олета Блэксток шлепнула рукой по столу, едва не столкнув с него кувшин с ледяной водой острым локтем.

Судья Квимби, принимавший посетителей у себя в кабинете, переплел пальцы под двойным подбородком, постарался придать лицу нейтральное выражение и уставился на венчавшую голову Олеты оранжевую шляпку-таблетку. Словно в насмешку над законом гравитации, она сидела набекрень, такая же нахальная и упертая, как и ее хозяйка.

Олета наклонилась к нему, уставилась пылающими праведным гневом глазами-угольками и произнесла:

— Блу Бишоп не распознала бы любовь, даже если бы та выпрыгнула прямо перед ее носом и треснула ее по голове. И мне все равно, что там написано на пуговице. Уверена, вы, судья, примите правильное решение, ведь вы этих Бишопов лучше всех знаете. Даже лучше, чем я.

Да уж, помоги ему Боже, Бишопов он знал хорошо. Как и то, что человек, в самом деле переживающий за благополучие новорожденной, ни за что не стал бы говорить про нее «оно».

• 5 •

Блу

В городке Баттонвуд, штат Алабама, стоял один из тех дней, когда в самом воздухе веет надвигающимися бедами. Налетевший ветер растрепал сонную листву на вековых дубах и устремленных ввысь орехах. В поисках укрытия пробежал по тропинкам, взметая подсохшую грязь и засыпая все вокруг облаками пыли. И яростно засвистел, предупреждая о грозящей опасности всех, кто готов был его услышать.

Что ж, если кто и мог распознать в его завываниях сигнал тревоги, так это я. В конце концов, я ведь носила фамилию Бишоп. А она была практически синонимом слова «беда». И папа, и Твайла, и три моих старших брата встречали беды с распростертыми объятиями, как давно потерянную родню, — и к черту последствия! И поглядите-ка, чем это для них обернулось — все пятеро теперь были мертвы и преданы земле.

Я же все двадцать девять лет своей жизни старалась избегать бед. Мне они даром были не нужны, и от ощущения, что они роятся вокруг, нервы у меня в тот день были на пределе. Я терпеть не могла конфликты, а моя младшая сестра Перси так и вовсе всем своим существом олицетворяла понятие *най-девочка*. Мы обе в семействе Бишопов были белыми воронами.

— Что тебя гложет? — спросила Марло Аллеман, приподнимая подол длинной юбки, чтобы переступить через бревно. Мы с ней шагали по огибавшей город тропе к могучему платану, нашему знаменитому Пуговичному дереву, что росло ровно на середине дороги. А я и не заметила, что замерла как вкопанная

— Просто в воздухе вдруг повеяло бедой.

— Лучше не обращай внимания, — ответила она. — Как и всегда.

Всю мою жизнь надо мной нависала огромная черная тень надвигающихся бед. Надо мной смеялись. Меня дразнили. Унижали. Я сорвала с одуванчика желтую, как солнце, головку и бросила ее в ведро к другим цветам, которые уже постигла та же участь. Когда я обтерла руки о старые джинсовые шорты, на выцветшей ткани остались желтые полосы. Того самого оттенка, в поисках которого я и отправилась в лес этим утром. Дома у меня была оборудована художественная студия, и в ней я ловко превращала оторванные головки одуванчиков в цветные чернила. А еще готовила их из других цветов, орехов, кусочков древесной коры и корней и прочих даров леса.

Однако в лес меня влекли не только поиски источников для новых оттенков чернил. Нет, я будто бы постоянно искала... *что-то*. Что-то невыразимое, неопишемое. Искала всю свою жизнь, следуя настойчивому зову ветра, помогавшему мне находить потерянные вещи.

Это с его помощью мне удавалось найти то, что давным-давно пропало. Я постоянно натыкалась на чьи-то часы, кошельки и даже на Мо, мужа Марло, которому с недавних пор пришла охота бродяжничать. Природу этого дара я сама до конца не понимала и контролировать его никак не могла. Однако временами он, бесспорно, бывал очень полезен. И все же эта моя уникальная способность так и не помогла мне найти то единственное, что я искала... всю свою жизнь. То, что звало меня в лес. То, что терзало мне душу и лишало покоя. Нечто давно утраченное и не имеющее названия.

Почему-то казалось, что стоит мне набрести на него — и ветер сразу же шепнет: вот оно, вот что все это время было тебе нужно. Но до сих пор этого не случилось.

И потому я продолжала поиски. Каждое утро отправлялась в лес, притворяясь, будто иду собирать растительные компоненты для чернил, потому что не могу найти в магазине красок нужных мне оттенков. Как автор и иллюстратор детских книжек, я радовалась любой возможности сбежать в свой вымышленный мир. Особой популярностью у читателей пользовалась серия книг о юной крольчихе, которая, как и я, умела находить потерянные вещи, но при этом жила куда более веселой и насыщенной жизнью. Я как раз недавно закончила очередную книжку из этой серии и сейчас работала над иллюстрациями к ней. В этой истории моя героиня, Зайчушка-Попрыгушка, осознала, что не хочет заниматься хип-хопом, как другие крольчата, и записалась в балетную студию. И когда я бралась за кисточку и начинала рисовать крольчонка в балетной пачке, все тревожные мысли мигом вылетали у меня из головы.

Некоторое время мы с Марло шагали молча, а потом я сказала:

— Мне вчера вечером звонили насчет старого дома на ферме. Сара Грейс Фултон им заинтересовалась.

Каждый раз, когда Марло делала шаг, из-под подола ее юбки выглядывал мысок открытых сандалий с накрашенными ярко-красным лаком ногтями.

— Что ж, может, из этого что-нибудь и выгорит, верно?

— Там видно будет. Я продиктовала ей код от замка. Она сегодня съездит туда и все осмотрит.

Уже больше года я пыталась продать ферму, некогда принадлежавшую моей семье, но заинтересовавшихся ею можно было пересчитать по пальцам. За те десятилетия, что мои родные там прожили, дом сильно упал в цене, и, несмотря на то что я продавала его «без посредников», мне пока не поступило ни одного, даже самого паршивенького предложения. И, в общем, я понимала потенци-

альных покупателей. Мне и самой не хотелось там жить. Я уехала из этого дома шесть лет назад, как только смогла позволить себе собственное жилье.

В чащобе громко хрустнула ветка, и мы с Марло одновременно обернулись на звук. В сплетении зелени мелькнула какая-то тень.

— Олень? — спросила Марло, прищурившись.

— Не знаю.

Деревья притихли, будто тоже прислушивались. Но через пару минут в лесу уже снова защебетали птицы и загудели насекомые. Что бы там ни шуршало в кустах, теперь оно исчезло. И Марло вернулась к теме нашего разговора:

— У меня хорошее предчувствие, думаю, все сложится. Этому дому только и нужно, чтобы кто-то разглядел его потенциал.

Под монотонный стрекот цикад я сорвала еще один одуванчик и усмехнулась.

— А может, ему просто нужен бульдозер?

Темная кожа Марло блестела в рассеянном утреннем свете. Улыбнувшись, она легонько шлепнула меня.

— Всегда лучше починить вещь, чем сломать ее. Кость у этого дома крепкая. Как по мне, Сара Грейс — идеальный покупатель.

Кость крепкая, а прошлое грязное. Эту ферму мой отец Кобб выиграл в карты. Точнее говоря, *обжулил* в карты ее предыдущего хозяина, хотя доказать этого никто так и не смог — а пытались-то многие.

— Надеюсь. Немного деньжат мне точно не помешает. — Я вскинула руку вверх. — И предвосхищая твои вопросы, нет, в агентство по усыновлению я пока не звонила.

Марло приподняла свою широкополую соломенную шляпу, пригладила угольно-серые, тронутые сединой

волосы и прихлопнула зудящего у уха комара. А потом обернулась ко мне, осуждающе приподняв тонкие брови.

— Я была занята. Мне книгу сдавать через пару недель. Да еще и Перси приехала домой на летние каникулы...

Моя сестра две недели назад окончила первый курс Университета Северной Алабамы. Я являлась ее официальным опекуном вот уже два года — с тех пор как умерла Твайла (наша мать, всегда просившая нас обращаться к ней по имени). Хотя статус этот был чистойшей формальностью. Ведь с самого начала растила Перси именно я.

По законам Алабамы человек считается взрослым с девятнадцати, а это значило, что мне оставалось нести ответственность за Перси еще шесть месяцев. Однако я постоянно твердила ей, что если она захочет и дальше жить со мной, мой дом навсегда останется ее домом. Мы ведь были друг у друга одни на всем свете.

По крайней мере, пока.

Больше всего в жизни мне хотелось обзавестись собственной семьей, но для одинокой женщины с нестабильным доходом это была непростая задача. Целых три года я обращалась в государственные организации в попытках усыновить ребенка. Но в конце концов поняла, что частное агентство по усыновлению скорее поможет мне стать мамой. С тех пор я старалась накопить на вступительный взнос и сэкономила, ограничивая себя во всем. И вот наконец нужная сумма была собрана, а я все медлила, все тянула кота за хвост, не решаясь назначить личную консультацию.

— *Мхмм*, — хмыкнула Марло, поджав накрашенные темно-красной помадой губы.

Она слишком хорошо меня знала — а все потому, что я выросла практически у нее на руках. Им с Мо сейчас было крепко за семьдесят, и мы с Перси относились к ним как к бабушке с дедушкой, которых у нас никогда не было. Ми-

нуло уже восемнадцать лет с тех пор, как Твайла впервые отправила нас с Перси в детский книжный магазин Аллеманов, носивший название «Кроличья нора». И Марло с Мо, можно сказать, приняли нас в свою бездетную семью. Мне тогда было одиннадцать, а Перси только год.

Нам очень нужна была помощь.

И Аллеманы просто взяли и спасли нас.

С «Кроличьей норой» были связаны мои самые счастливые воспоминания. Окруженная яркими детскими книжками и добротой Марло и Мо, там я могла спрятаться от реальности, обрести свой безопасный рай. В магазине всегда царили тепло, любовь и счастье.

— Ладно-ладно, хорошо. — Я сморщила нос. — Я боюсь туда обращаться. Что, если никто из биологических родителей меня не выберет? Что, если они захотят женщину, у которой уйма друзей?..

Социальные работники из организаций, в которые я обращалась, настоятельно советовали мне, раз уж так вышло, что я не замужем, чаще выходить в люди, стать «одной из ниточек в плотной ткани общества». Однако от всех этих разговоров про *«вместе мы — сила»* мне делалось дурно. Стоило вспомнить школьные годы, когда никто не желал играть со мной на переменках и сидеть рядом за обедом, у меня тяжелело в груди. Я не ходила на школьные дискотеки, не ночевала у подружек, не веселилась в дружной компании. Даже сейчас, кроме Марло, Мо и Перси, близких людей у меня не было. Будь у меня такая возможность, я бы давным-давно отсюда уехала. Поселиться в новом месте. Начать с чистого листа. Построить счастливое будущее. А прошлое похоронить здесь, в Баттонвуде. Зарыть глубоко-глубоко.

Но выбора не было. По крайней мере, пока. Тот самый ветер, что направлял меня к пропавшим вещам, одновременно удерживал меня здесь, запирали в Баттонву-

де, словно маленькую птичку в большой красивой клетке. Я должна была найти то самое безымянное нечто — а пока мне дозволялось лишь бродить по окрестностям, но ни в коем случае не покидать пределы моей нарядной тюрьмы.

— Если дашь страху власть над собой, он никогда не позволит тебе двигаться вперед, — принялась ласково увещевать меня Марло. — Не прячь свой внутренний свет, Блу Бишоп. Сияй ярко. Я даже не сомневаюсь: если ты позволишь людям узнать тебя, они полюбят тебя так же, как я. Откройся, *будь собой* — только так ты обретешь то, о чем мечтаешь больше всего на свете.

Не прячь свой внутренний свет. Это была одна из любимых присказок Марло. Сколько же раз за прошедшие годы я слышала эти слова в магазине, вместе со «спасибо», «приходите еще» и «туалет направо по коридору».

Я старалась сиять ярко, правда старалась, но на словах это было легко, а вот на деле — трудно. Марло не знала, каково это — носить фамилию Бишоп. Знать, что ты нарисована тем же небрежным мазком кисти, что и остальные члены твоей семьи. Понимать, что соседи неустанно следят за каждым твоим шагом. Мой внутренний свет давно померк во тьме неверных решений моих близких.

— И не вздумай говорить, что на словах это легко, а на деле трудно, — тем временем продолжала Марло. — Перси уже доказала, что это не оправдание. Никого в городе не волнует то, что ты Бишоп, все давно об этом забыли. А вот *тебя саму* это волнует, ты цепляешься за эту отговорку и сама себя отправляешь в изгнание, бедная моя застенчивая крошка.

Я пнула ногой камень. Мы с Марло уже миллион раз это обсуждали. А может, и больше.

— Положим, раньше тебе нарушать затворничество было незачем. Но теперь-то у тебя есть причина. Да еще

какая: материнство. К тому же, — добавила Марло, — ты ведь не хочешь навлечь на себя проклятие?

Я вскинула голову и поглядела в сторону Платана. С того участка тропы, где мы проходили, была видна лишь верхушка его раскидистой кроны. Если верить местной легенде, Пуговичное дерево появилось на этом месте больше ста пятидесяти лет назад. А случилось это так. Неподдалеку отсюда жила женщина по имени Дельфина. Как-то в ненастный день она стала упрашивать своих мужа и сына не ходить на охоту. Но те не послушались и все равно отправились в лес. Налетела буря, мужчины попытались укрыться от стихии под деревом, но в ствол ударила молния, и оба погибли на месте.

Убитая горем женщина стала приходить в лес и часами сидеть на месте гибели своих любимых. И однажды она обратилась в платан — или пуговичное дерево, как его у нас называли за то, что в старину из его древесины делали пуговицы. Платан, вскормленный разбитым сердцем несчастной женщины, вырос огромным. А ее решимость уберечь от беды других была так сильна, что обернулась вороной. Поговаривали, что порой она в виде едва различимого глазом сияющего создания является людям, идущим к Платану за советом, и указывает им путь. Многим из нас пуговицы нашего волшебного дерева подсказали правильное решение. Но тем, кто не послушался совета Платана... пришлось дорого за это заплатить.

Не знаю, пером ли писал Платан на пуговицах свои наставления, но топором их было уж точно не вырубить. Обращаться к Пуговичному дереву за напутствием можно было лишь в том случае, если ты готов последовать его совету. Те же, кто им пренебрегали, навлекали на себя жестокое проклятие. За то, что не прислушались к мудрости дерева, они обречены были не знать счастья до конца своих дней.

Несколько месяцев назад, измученная тем, что мне никак не удавалось усыновить ребенка, я и сама ходила к Платану за советом. Хотела узнать, права ли я, что не оставляю попыток, хоть каждая из них и грозит новым разочарованием. И именно ответ Пуговичного дерева дал мне силы позвонить в частное агентство. На пуговице, которую я получила, было написано:

Любовь стоит риска. Любовь — это жизнь.

Я сглотнула комок в горле. Марло была права: я боялась, что, оставив попытки осуществить свою мечту, навлеку на себя проклятие. Но в первую очередь мной двигало страстное желание стать мамой, обрести семью, впустить в дом счастье, вырастить ребенка достойным человеком.

— Ладно, как только вернемся, сразу же позвоню в агентство.

— И снова начнешь ходить в «Аромат магнолий»? Кстати, о тебе недавно Мэри Элайза спрашивала.

«Ароматом магнолий» назывался дом престарелых и реабилитационный центр, где Марло занималась волонтерством по понедельникам. Пару раз она и меня брала с собой, но вскоре я поняла, что мне там не будет покоя — слишком уж близко к городу располагалось это заведение. Некоторые пациенты меня узнали и тут же принялись судачить о нашей семье. Больше всего их занимало ограбление банка, в результате которого сторело несколько сотен тысяч долларов и погибли два моих брата. Обсуждать эту тему мне совершенно не хотелось.

— И что ей нужно? Снова языком почесать?

В прошлый раз, когда я приходила в «Аромат магнолий», меня буквально вынесло из палаты Мэри Элайзы потоком ее проклятий. Марло и медсестры пытались убедить меня, что она не в себе, якобы после подкосивше-

го ее в прошлом году сердечного приступа у нее от недостатка кислорода помутилось в голове. Но я-то знала правду. Она никогда не жаловала ни меня, ни моих близких. Обзывала нас варварами и другими милыми прозвищами. Несмотря на то что замужем Мэри Элайза была за проповедником, человека, более склонного судить других, мне в жизни встречать не доводилось. Даже странно, что ее сын Шеп, наш местный полицейский, вырос славным парнем.

— Может, она хочет извиниться за свое поведение.

Я сморщила нос.

— Спасибо, конечно, но я, пожалуй, откажусь. Не хочу снова довести ее до белого каления. Не забывай, что у нее слабое сердце.

Марло скрестила руки на груди.

— Ниточки, Блу, родная моя. Ниточки.

И мне моментально представилось, как агентство отказывает мне в усыновлении ребенка из-за того, что я жалкая одиночка. Я набрала в грудь побольше воздуха. И прошипела сквозь зубы:

— Ладно, приду.

Марло подхватила меня под руку и отозвалась:

— А радости-то сколько! Пациенты купаться будут в твоей любви.

Я растянула губы в фальшивой улыбке.

— *Просто не терпится* поскорее попасть в «Аромат магнолий»!

Она рассмеялась, и страхи мои при звуках этого искреннего смеха слегка побледнели, а на душе стало легче.

— Тогда в четверг, в шесть. И знаешь, милая, даже если ты будешь действовать по принципу «стерпится — слюбится», меня это устроит.

— В четверг? Не сегодня? — уточнила я, совершенно не расстроенная задержкой. Мне просто стало любо-